зывались первые связи гуситов с русскими землями. Еще в 1413 г., до сожжения Гуса, его ближайший сподвижник Иероним Пражский посетил Польшу, Литовскую Русь (в частности, Витебск) и Псков, где подчеркнуто выражал свое уважение к православным церковным обрядам.[15] В последующие годы, заявляя о своей готовности обсудить религиозные споры с католиками на церковном соборе, гуситы неизменно требовали участия в таком соборе представителей греко-православных церквей; в середине XV в. (до падения Константинополя) они вели прямые переговоры с константинопольским патриархом.[16]

Интерес гуситов к русским землям не ослабел и во второй половине XV в., когда отдельные княжества Северо-Восточной Руси были объединены в государство с центром в Москве и между Московской Русью и Польско-Литовским государством, находившимся в тот период под общей властью Казимира Ягеллона, началась борьба. Одна из наиболее развитых гуситских организаций — «чешские братья» — послала своих представителей к русским, сербам и армянам, рассчитывая, что среди этих народов «могут быть верные люди и добрые христиане». Вот что рассказывает чешский памятник 70-х годов о религиозных обычаях русских: «Также и руссы. Каждого они посвящали, который только давал дары, как они недавно посвятили трех чехов, не узнавая, каков их образ жизни. И те исправляли службу, хотя не были посвящены папской властью, ибо они терпят всех, которые только справляют службу. Таким же образом они некоторых вальденсов приняли, которые также службу справляли».[17] О какой Руси здесь идет речь: о Московской или о Литовской? Едва ли о последней: со второй половины XV в. литовская митрополия «всея Руси», отделившаяся от московской, признала унию с католической церковью, против которой выступали чехи; литовская митрополия была тесно связана с константинопольской патриархией и не могла позволять себе особых вольностей в поставлении священников. Напротив, московская митрополия, порвавшая с патриархом (с 50—70-х годов XV в.), еще не определила в этот период своих новых иерархических принципов и могла терпеть «всех, которые только исправляют службу». Во всяком случае во время следующей экспедиции такого рода «чешские братья» несомненно завязали связь с Московской Русью: в 1491 г. они вновь разослали своих представителей по греко-православным землям; один из этих представителей (Мареш Коковец) посетил Москву.[18]

Все более обострявшиеся отношения между «государем всея Руси» Иваном III и Ягеллонами не благоприятствовали дальнейшему развитию связей с западным славянством: в 1471 г. на освободившийся (после смерти Юрия Подебрада) чешский престол был избран сын Казимира Владислав, и таким образом оба западнославянских государства оказались под властью династии Ягеллонов. Но с начала 80-х годов Иван III вступил в дипломатические сношения с другим государем, тесно связанным со

---

[15] А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 345—355.

[16] Там же, стр. 371.

[17] J. Goll. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder. Prag, 1878, стр. 100 и 103; ср.: Ю. Анненков. Гуситы в России в XV и XVI вв. (оттиск из журнала «Странник»). СПб., 1878, стр. 10—11 (по материалам архива в Гернгуте).

[18] Martina Kabatníka Cesta z Čech do Jerusalema a Kaira r. 1491—1492, vyd. I. V. Prašek. — Sbírka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, sk. 1, ř. 2, č. 1. Praha, 1894, стр. 1—2 (предисловие Адама Бакларже к отчету одного из посланных «чешскими братьями» лиц, Кабатника; отчеты остальных путешественников не сохранились); Ю. Анненков. Гуситы в России в XV и XVI вв., стр. 11—12.